

УДК 316.7

**КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТЕРСКИХ КАЗАКОВ:
ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ****Воеводина М.И.***ГБОУ ВПО «Ставропольский государственный педагогический институт»,
Ставрополь, e-mail: mail@sspi.ru*

В статье раскрыт философский аспект исследования культурного пространства терских казаков как субэтноса в обществе. Описание российского казачества как русского субэтноса основано на признании исторических фактов сближения многонациональных компонентов казачества на основе славянской, русской культуры, в том числе, языка, традиций, бытового уклада, православия. Культурное пространство терских казаков рассмотрено как ценность в определенном времени и пространственных параметрах, которое имеет некую эмоционально-интеллектуальную наполненность, подразумевает под собой некое духовное образование в обществе, но не исключает его материализации с точки зрения воплощения в определенных ценностях. У казаков сформировалась только им свойственная этническая традиция – иерархия правил поведения и стереотипов, культурных канонов, мировоззренческих установок, которые заложены в фундамент эстетосферы казачьей культуры. Автором выявлены виды культурного пространства: концептуальное культурное пространство, пространство бытования культуры и перцептивное культурное пространство. Проведен анализ каждого из представленных видов культурного пространства терских казаков.

Ключевые слова: современная цивилизация, субэтнос, ценности, казачий уклад, традиции, среда обитания, идентичность

CULTURAL SPACE OF TERSKY COSSACKS: PHILOSOPHICAL ASPECT**Voevodina M.I.***GBOU VPO «The Stavropol state teacher training college», Stavropol, e-mail: mail@sspi.ru*

In article the philosophical aspect of research of cultural space the terskikh of Cossacks as subethnos in society is opened. The description of the Russian Cossacks as Russian subethnos is based on recognition of historic facts of rapprochement of multinational components of the Cossacks on the basis of Slavic, Russian culture, including, language, traditions, household way, Orthodoxy. The cultural space the terskikh of Cossacks is considered as value in certain time and spatial parameters which has a certain emotional and intellectual fullness, implies a certain spiritual education in society, but doesn't exclude its materialization from the point of view of an embodiment in certain values. At Cossacks the peculiar ethnic tradition – hierarchy of rules of conduct and stereotypes, cultural canons, world outlook installations which are put in the base estetosfer of the Cossack culture was created only by it. The author revealed types of cultural space: conceptual cultural space, space of an existing of culture and perceptual cultural space. The analysis of each of the presented types of cultural space the terskikh of Cossacks is carried out.

Keywords: contemporary culture, sub ethnos, values, the Cossack way of life, traditions, environment, and identity

Проблемы динамичного развития современной цивилизации и мировой культуры во многом переплетаются с проблемами сохранения и развития самобытных традиционных культур. При этом зачастую ценности мировой культуры (как развивающейся и модернизирующейся) противопоставляются традиционным ценностям (как отжившим свое и не востребованным в динамичном, постоянно меняющемся мире) [3]. В связи с этим представляет интерес философский аспект рассмотрения традиционной культуры вообще [1] и терского казачества, расположенного на территории Ставропольского края, в частности.

У казачьего субэтноса наряду с общими для всех россиян доминирующими признаками были и существенные специфические групповые отличия в культуре, психологии, военно-служилом укладе жизни. Быть казаком – значит жить по казачьему укладу. Содержание «казачьего уклада» со временем изменялось, адаптировалось к условиям службы и жизни, окружающей социальной и природной

среды. Его основой оставались незыблемые и в современных условиях верная воинская служба в составе дружины, патриотизм, православие. Внешняя форма казачьей культуры может и должна всемерно способствовать наглядному и практически-реальному выявлению внутреннего содержания, присущего казачеству, и одновременно соответствовать устойчивым традициям внешнего выражения такого содержания (одежда) с учётом специфики различных регионов, а именно Ставропольского края, где казачество существовало и существует.

В Ставропольском крае потенциал развития культурных особенностей казачьего субэтноса, входящего в этническую карту региона, отражен в исследовании О.А. Буниной. Она утверждает, что формирование геокультурного пространства казачьего субэтноса в рамках современной территории Ставропольского края происходило под влиянием политических, социокультурных факторов, важнейшим из которых были военно-колониционные решения.

Природные факторы являлись базисными на первых этапах освоения и определили возможные варианты развития геокультурного пространства.

Составленная детальная схема периодизации процесса исторического и культурного генезиса казачьих территорий в Ставропольском крае отражает эволюционную смену этапов освоения и культурной трансформации ландшафтов под воздействием различных компонентов. В таких условиях наиболее ярким носителем всех составляющих этнического сознания может выступать не только определенная социальная группа (представители правящей династии, духовенство), но и субэтническое образование, заявившее о себе в условиях модернизации этнокультурного организма и последующего за этим внутриэтнического конфликта. В применении к истории Ставропольского края в роли такого образования зачастую выступало Терское казачество, как наиболее яркий и бескомпромиссный носитель традиционной культуры.

Культура, по мнению современных исследователей, «содержит в себе своеобразную «духовную матрицу», позволяющую человеку идентифицировать себя с определенной системой ценностей и обрести, тем самым, личностную идентичность» [5]. Освоение казаками культурного пространства сыграло в процессе идентификации немаловажную роль. «Культурное пространство может быть понято как ценность в определенном времени и пространственных параметрах. Оно имеет некую эмоционально-интеллектуальную наполненность, подразумевает под собой некое духовное образование, но не исключает его материализации с точки зрения воплощения в определенных ценностях» [6].

В монографии «Феномен культурного пространства» используется понятие «перцептивного культурного пространства» [2], которое отражает чувственный аспект восприятия пространства. Поле исследования здесь оказываются видовые модификации пространства и его составляющих, а также их взаимодействие.

Рассматривая культуру терских казаков относительно перцептивного культурного пространства, мы можем отметить, что среда обитания казаков – открытые пространства. Во всем комплексе их культуры, включая письменные источники, она представлена в образах реки, гор и степи-поля. Известно, что территорией своего обитания казаки считали Терек. Совокупность представлений, охватываемых этим понятием, исторически менялась. В более

ранние времена он выступал как мифический прародитель (отец, батюшка), жизнедавец и кормилец, а в более поздние – как путь-дорога, соединяющая разделенные части пространства и раздвигающая его границы.

Образ реки является той «мандалой», которая позволяет структурировать пространство всего света. В этой модели доминирует вертикальный аспект – исток-верх, устье-низ, а всё пространство реки характеризуется обратимой формулой – сверху до низу/снизу доверху. Горизонтальный аспект модели (правое/левое) представлен в образе разбегающегося от оси-реки в степь пространства. Берега являются и первым пространственным рубежом, границей [7].

При точке зрения от центра мир структурируется по сторонам света, что актуально для ритуально-мифологических моделей пространства. В.И. Даль подчеркнул в понятии «сторона» оппозицию внутреннее/внешнее. По Далю сторона выступает как часть целого, пространство и местность вне чего-либо, внешнее, наружное, от нутра или середины удаленное. Казаки семантически нагружают стороны пространства по исходящей опасности, угрозе, разделяя их при помощи оппозиций свое/чужое, благожелательное/неблагожелательное. Границы реального пространства были достаточно условны и подвижны. Они устанавливались по соглашению: «полюбовно», «общей правдой» [7].

Пространство суши обозначали сходными, имеющими различные смысловые оттенки понятиями, разноречивыми по происхождению – поле, степь, долина, раздолье, луг. В фольклоре они являются местом действия и отправной точкой описания ландшафта в зачинах песен: «Во чистом было во полюшке», «Во полюшке, во полянушке», «На вольных степях Саратово», «По диким степям», «На долинке, на равнинке», «Долина, долинушка, раздолья широкая», «При лужочку зеленому, раздолью широкому».

Другие – степь, долина, раздолье, равнина – передают представления о пространстве, ограниченном горами. Буквальное значение слов степь, раздолье подразумевает смысловую оппозицию низа верху (долина), возвышенности впадине – «провалы» (равнина). Как в песенных текстах, так в интервью информантов возвышенность в равнинном ландшафте оценивается как «украшение», «красота»: «Чем турецкая поля была украшенная? Чи буграми, чи долинами, чи казачьими могилами?»; «На горе, горе, па всей на девичьей красоте».

Понятие луг, с одной стороны, содержит ту же оппозицию верха и низа («горная сторона», «луговая сторона»), а с другой, оппозицию леса и не поросшего деревьями, бурьяном места (по В. Далю – «травная земля»).

Развивая рассмотренные построения в семантическом аспекте В.В. Пищулина, А.С. Козаченко, М.А. Рыблова ассоциируют пространство степи со смертью, реки – с жизнью. При этом исследователи исходят из общей, по их мнению, для русской и казачьей культуры негативной оценки открытых неосвоенных пространств, репрезентирующих потусторонний мир и смерть. Но можно привести примеры и обратного, когда река связана со смертью: от традиционного наказания утоплением за грехи («в куль да в воду»), до сцен гибели казака («речушка глубокая, казачушка потыпая»).

Для собственно казачьего репертуара типична последняя статическая модель, в то время как редакции русских текстов чаще имеют сюжетное развитие по вектору внутреннее/внешнее.

Следует обратить внимание на то, что в семантике рассматриваемых понятий заложена вертикальная координата, которая предрасполагает к центричности пространства, видимого как бы сверху. Описание ландшафта от периферии к центру придает пространству дискретность (локусность), в отличие от научных представлений о нем, как имеющем гомогенный и непрерывный характер.

Д.С. Лихачев справедливо обращает внимание на эмоциональное ощущение от пространственных образов русского фольклора: «Воля-вольная – это свобода, соединенная с простором, ничем не прегражденным пространством, это отсутствие забот о завтрашнем дне, это беспечная блаженная погруженность в настоящее» [4].

Собирание пространства происходит и за счет сужения объема понятий, его обозначающих, и благодаря присутствию предмета-знака, символизирующего вертикальную ось [8]. Ею могут быть дерево (дуб, груша, раина), гора (горы), возвышенность (бугор, бугры), курган (погребальное сооружение), камень, куст (ракитовый, таволжаный). Из названных предметов-знаков некоторые специфичны для ментальности степняков: одиноко растущее дерево раина (пирамидальный тополь – мировое древо у тюркских народов), таволжаный куст (тюркское «табылгы»), курган и памятные камни, отмечающие места захоронений или существовавших в прошлом сооружений. «Матрешки» вложенного

пространства значительно ближе, нежели оппозиционные модели, представлениям об однородном заполненном пространстве и, несомненно, способствовали формированию его образа.

Рассматриваемая модель подразумевает наличие неподвижного центра. Если выбор предмета (горы, дерева, камня) в качестве пространственной оси понятен без пояснений, то образ сидящего на «стулице» или коне казака, к которому приводит сужение пространства в описании, так легко не прочитывается. Ярким выражением оппозиционности центра и периферии являются такие модели, где сидящий молодец располагается в середине казачьего круга. Здесь уместно вспомнить кавказские традиции. По замечанию Я.В. Чеснова, в собрании сидят старший или гость, а с неподвижностью связаны представления о высоком статусе, и шире, о высоких ценностях. Таким образом, положение в пространстве и поза героя наделены особым смыслом, проявляющимся в контексте определенным образом организованных обществ.

Завершая рассмотрение центрических моделей, приведем еще один любопытный, на наш взгляд, пример приверженности казаков зеркальной симметрии. Составители «Казачьего словаря-справочника» в статье «Козаки» обосновывают принятое произношение и написание слова казак следующим образом: «Козаки ревниво оберегали исстари произношение «казаки» с ударением на последнем слоге, считая, что слово «казак» должно читаться в обе стороны одинаково и по-славянски слева направо, и по-тюркски – справа налево».

Пространственные модели в традиционной культуре казаков не бывают строго горизонтальными. Обычно они имеют вертикальный параметр, воплощения которого многообразны. Типичным выражением вертикального аспекта является точка зрения сверху. В поэтике казачьей песни она реализуется через образы птиц, видящих и описывающих пространство сверху (сюжеты с мотивом встречи и разговора птиц), или героя, охватывающего его взором из потустороннего мира сна. Возможно и реальное созерцание далей с высотной точки (зачины эпических песен «Выйдем, братцы, на высокий на курган/ Глянем, глянем на четыре стороны»). Отметим, что и положение в пространстве всадника, смотрящего на землю сверху вниз и вдаль, способствовало закреплению подобной модели.

Во время военных действий казаки обычно сражались в авангарде или

в арьергарде, но чаще на флангах, образно именуемых как в песенном фольклоре, так и в письменных источниках крыльями [8].

Любопытную картину представляет в казачьей традиции делимитатор правое/левое. Эта бинарная оппозиция может быть выразителем совершенно различных отношений: мужского/женского; положительного/отрицательного, почетного/непочетного (менее почетного), силы/слабости.

Для казаков мужская сторона – всегда правая: «Жена вместо сабли: она всегда с левой стороны» [8]. Отношение правое/левое, как правило, усилено отношением впереди/сзади: жена идет по улице, как и у некоторых кавказских народов, слева и позади мужчины. Расположение женщин позади мужчин обычно и для храмов, что соответствует древней восточной традиции. Напомним, что в русских храмах мужчины стоят в правой, а женщины – в левой части. У казаков старших и почетных гостей сажают по правую руку от хозяина; последнее обстоятельство обуславливает расположение гостей за свадебным столом, где родственники жениха и члены его партии сидят с правой стороны, располагаясь по нисходящей. В ритуалах движение (например, проход жениха за невестой и выход из-за стола) и разные действия выполняются сначала вправо, затем влево. Это является обязательным условием, иначе «жизнь неправильная будет» [8].

Известно, что запашная одежда казаков, как и былинные богатырей, была по-восточному правополой (правая пола сверху левой), что нашло отражение в эпических текстах (правая пола богатыря дороже левой).

Шаг правой ногой оценивается как позитивный, поэтому в свадебном обряде существует множество связанных с этим примет. Так, важно было встать после первой брачной ночи с правой ноги, что предвещало благополучие семейной жизни. Правой ногой следовало переступить порог дома, правой рукой брать ритуальные предметы. Такую же позитивную функцию имеют повороты «налево» и «против солнца», которые следует понимать, как движение правой стороны тела (левая выполняет роль неподвижной точки) навстречу солнцу. Подтверждением тому является также факт вождения масленичных хороводов, инициирующих приход весны, против солнца. Положение лицом к солнцу характерно для сохраняющейся во многих местах Терека молитвы «на восход солнца». В условиях жилища расположение домашнего иконостаса в восточной части неукоснительно выдерживается; он дол-

жен находиться на видном месте, в главной комнате, не в спальне, напротив входа в комнату.

Таким образом, концептуально-культурное пространство терских казаков выражено в культурном ландшафте, который возник в результате длительного эволюционного развития природных ландшафтов под воздействием творческой деятельности представителей данного субэтноса, причем на определенной стадии исторического общественного развития. В пространственно-временном континууме, в котором происходит формирование пространственных культурных систем различного уровня, ставших частью этнокультурного поля Северо-Кавказского региона и Ставропольского края, в частности, формируется идентичность терских казаков. Пространство бытования культуры терского казачества, которое имеет свои реальные измерения, не имеющие, однако, абсолютного характера, представляет собой некую творческую «художественную» надстройку над реальным пространством. Так, это может быть национальное пространство (в нашем случае субэтническое), проявляющееся в специфике национального фольклора, или танца, или ремесла, и даже типа строений жилища, а также особенностях одежды, атрибутах которые обнаруживаются весьма символическими явлениями, вбирающими в себя определенные смыслы, также отражающие идентичность терских казаков. Особый научный интерес в нашем исследовании представляет перцептивное культурное пространство терского казачества, которое подразумевает чувственное восприятие пространства человеком и в центре внимания здесь оказываются вопросы структуры, видовые модификации и их взаимодействие. С этой точки зрения культурное пространство терских казаков характеризуется по исходящей опасности и угрозе (свое/чужое), приверженностью казаков зеркальной симметрии, типичным выражением вертикального аспекта которой является точка зрения сверху (образ птиц в фольклоре), бинарной оппозицией правое/левое, которая может быть выразителем совершенно различных отношений: мужского/женского; положительного/отрицательного, почетного/непочетного (менее почетного), силы/слабости.

Список литературы

1. Гончаров В.Н. Религия в системе современной культуры // *European Social Science Journal*. – 2014. – № 1–1(40). – С. 14–17.

2. Гуткин О.В., Листвина Е.В., Петрова Г.Н., Семенищева О.А. Феномен культурного пространства: монография. – Саратов: Научная книга, 2005. – С. 14.

3. Колосова О.Ю. Глобализация культурных процессов: синергетический аспект // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2012. – № 2. – С. 23–26.

4. Лихачев Д.С. Письма о добром и прекрасном. – М.: Детская литература, 1989. – С. 152.

5. Петрова И.А. Культурология. – Волгоград: Волгоградский государственный медицинский университет, 2007. – 287 с.

6. Подосинов А.В. Картографический принцип в структуре географических описаний древности (постановка проблемы) // Методика изучения древнейших источников по истории народов СССР. – М.: Наука, 1978. – С. 22–45.

7. Рудиченко Т.С. Донская казачья песня в историческом развитии. – Ростов-н/Д, 2004. – С. 16–37.

8. Сирков Е. Казачья наука. – Ставрополь: ЮРКИТ, 2014. – 330 с.

References

1. Goncharov V.N. Religiya's potters in system of modern culture – European Social Science Journal, 2014, no. 1–1(40), pp. 14–17.

2. Gutkin O.V., Listvina E.V., Petrova G.N., Semenischeva O.A. Fenomen of cultural space: monograph. Saratov, Scientific book, 2005, p. 14.

3. Kolosova O.Yu. Globalization of cultural processes: synergetic aspect. Humanitarian and social and economic sciences, 2012, no. 2, pp. 23–26.

4. Likhachev D.S. Letters about kind and fine. Moscow, Children's literature, 1989, p. 152.

5. Petrova of I.A. Kulturologiya. Volgograd, Volgograd state medical university, 2007, 287 p.

6. Podosinov A.V. Kartografichesky the principle in structure of geographical descriptions of antiquity (statement of a problem) // The Technique of studying of the most ancient sources on stories of the people of the USSR. Moscow, Science, 1978, pp. 22–45.

7. Rudichenko T.S. Donskaya the Cossack song in historical development. Rostov-n/D, 2004, pp. 16–37.

8. Sirkov E. Cossack science. Stavropol, YuRKIT, 2014, 330 p.

Рецензенты:

Гончаров В.Н., д.ф.н., доцент, профессор кафедры философии факультета истории, философии и искусств Гуманитарного института, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь;

Бакланов И.С., д.ф.н., профессор кафедры философии факультета истории, философии и искусств Гуманитарного института, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь.

Работа поступила в редакцию 30.12.2014.